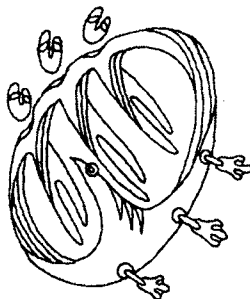

Российская академия наук
Уральское отделение
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Фольклорная комиссия вузов России
Удмуртский государственный университет
Факультет удмуртской филологии
ГУК «Республиканский дом народного творчества – Дом молодежи»

Традиционная культура в изменяющемся мире

Материалы VIII Международной школы молодого фольклориста
и семинара «Пермистика: язык и стиль фольклора»
(Ижевск, 19–21 июня, 12–13, 15 ноября 2009 г.)

Ижевск
2009

УДК 39

ББК 82.3 (2 Рос) = Удм. + 63,5 (2)

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Президиума Уральского отделения РАН

Печатается по решению ученого совета
Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН

Ответственные редакторы: д.ф.н. *Т. Г. Владыкина*, член-корр. РАН *В.М. Гацак*
Редакционная коллегия: к. хим. н. *О.Ю. Гончаров*, *Е.В. Ложкина*,
Я.М. Мелляхматова, *Д.Л. Корнилов*

Рецензент – *Т.С. Канева*, кандидат филологических наук, доцент,
руководитель Центра фольклорных исследований
Сыктывкарского государственного университета

Традиционная культура в изменяющемся мире: Материалы VIII Международной школы молодого фольклориста «Традиционная культура в изменяющемся мире» и семинара «Пермистика: язык и стиль фольклора» (Ижевск, 19 – 21 июня, 12 – 13, 15 ноября 2009 г.) / Отв. редакторы *Т.Г. Владыкина*, *В.М. Гацак*; УИИЯЛ УрО РАН – Ижевск, 2009. – 278 с.

Traditional Culture in the Changing World: Papers of the VIII -th International School of young Folklorists “Traditional Culture in the Changing World» and the Seminar “Permistika: Language and Style of the Folklore” (Izhevsk, June 19–21, November 12–13,15). Compiled and edited by *T. G. Vladykina*, *V. M. Gacak*. – Izhevsk, 2009. – 278 p.

ISBN 978-5-7691-2117-3

Сборник посвящен проблемам бытования и трансформации видов и форм традиционной культуры в современных условиях.

Издание снабжено DVD-приложением, дополняющим статьи иллюстрациями, фото- и видеоматериалами. Электронный ресурс отражает новые возможности презентации традиционной культуры, демонстрирует неиссякаемость ее потенциала в научной и творческой сферах.

Издание предназначено для широкого круга читателей, как специалистов (фольклористов, этнологов, культурологов и др.), так и всех интересующихся традиционной культурой.

This collection of papers deals with the problems of existing and transforming traditional culture forms in contemporary conditions.

It is supplied with the appendix on DVD consisting photos, videos, illustrations. This electronic recourse reflects new opportunities of the traditional culture presentation, demonstrates its potential in scientific and creative fields. The edition is addressed to the wide range of readers such as specialists (folklorists, ethnologists ...) so the other, who interested in traditional culture.

ISBN 978-5-7691-2117-3

УДК 39

ББК 82.3 (2 Рос) = Удм. + 63,5 (2)

© Авторы статей

© УИИЯЛ УрО РАН

© К. Галиханов. Графика, 1998

Образы лесных духов в удмуртской мифологии и фольклоре:

I. Нюлэсмурт (лесной человек/леший)

В удмуртской мифологии основным персонажем, обитающим в лесу и исполняющим функции хозяина, сегодня однозначно считается *нюлэсмурт/чайчамурт* «лесной человек», *нюлэснюня* «лесной отец/дядюшка», *быдзымнюня* «старший/великий отец/дядюшка», *нюлэскузё/чайчакозяин* «хозяин леса», лешак. Богатые сведения о нем, от единичных упоминаний до описаний внешнего облика и образов фольклорных текстов с его «участием», содержатся в этнографических источниках XIX в. Обобщающие характеристики и частные проявления его почитания содержатся в трудах современных исследователей [7: 97; 22: 95–96, 237–238].

Наш интерес к хозяину леса связан с попыткой систематизировать представления о лесных духах и проследить эволюцию образов от архаики до наших дней. Базой для анализа являются труды предшественников, собственные полевые материалы, частично – материалы фольклорных и диалектологических экспедиций Удмуртского государственного университета (УдГУ), Глазовского государственного педагогического института им. В.Г. Короленко (ГГПИ).

Согласно имеющимся материалам, лесной дух часто невидим, «объявляет» о своем присутствии внезапным гулом или шумом. Его появление перед человеком почти всегда связано с нарушением последним каких-либо табу. В портретной характеристике нюлэсмурта преобладают человеческие черты, очень часто он уподобляется старику. Может принимать разные виды: кого не любит – тому кажется страшным, кого любит – обыкновенным человеком [2: 153]. То он черный, страшный, то седой как лунь. У него длинная борода и волосы, прикрытые белой шляпой с дырой на макушке, «которая выказывает голое темя» [3: 89], иногда из-под шляпы видны длинные, лошадиные уши. В длинном азяме/сукмане и, в отличие от лешего в представлениях русских [12: 105], обязательно подпоясан черным или разноцветным тканым поясом [19: 94–96], что является, очевидно, свидетельством его большей близости к окультуренному пространству, чего нельзя сказать о других духах. Способен изменять свой облик в зависимости от обстоятельств: в лесу он вровень с деревьями, на лугу – с травой, среди людей – чуть выше человеческого роста. Властвует над обитателями леса: звери и птицы могут перемещаться по его приказу. Иногда он сам перегоняет звериные стаи, проигрывая их в карты лешим соседних лесов. Сердится на охотников, если они смеются над убитым медведем: оживляет его

для наказания виновников за святотатство [2: 94]. Виноватые в чем-либо перед нюлэсмуртом медведи не получают места на зиму и становятся бродячими [2: 94]. Оживляет убитых на охоте зверей и птиц свистом или криком [5: 47, 48–49].

Отличается способностью к быстрому передвижению: идёт/бежит «как ветер», летит сам, летит в вихре [3: 175]. Возможность быстрого передвижения является постоянным мотивом в побывальщинах, когда леший в ответ на восклицание поднятого им в воздух человека об упавшей с головы шапке говорит: «Шапка твоя уже за семь/сорок верст осталась».

Синкретичное изначально представление о нюлэсмурте как «божестве леса и ветра» позволяет говорить о равновеликости и равнозначности ему образа *тёллери* (от *тёл* – «ветер» и *пери* – «дух»). При этом восточное происхождение второго компонента номинации духа свидетельствует, по-видимому, о более позднем выделении духа ветра. Его признаки дублируют характерные черты духа леса: шум, волнение природы при появлении, оглушительный хохот. Раздвоенная некогда ипостась в современной традиции снова тяготеет к слиянию [9: 56 – 57].

Вихрь/смерч, согласно верованиям, можно остановить заклинанием («*Туре-пуртэ бордам!*» – «Топор и нож со мной!») или брошенным в него ножом/топором. Последнее обстоятельство становится завязкой сюжета побывальщин и мифологических сказок, где или сам *тёллери*, или его отец предстают в облике старца, демонстрируют пропавшее в вихре орудие и «выговаривают» человеку за попытку уничтожить их. В одном сюжете охотник бросает в вихрь ножом, но потом вынужден поплатиться за это разрушением хозяйства (*тёллери* сносит крыши со всех построек). Свой поступок *тёллери* объясняет тем, что охотник поранил его ножом в то время, когда он пытался загнать зайцев в его же западню [1: 63–64].

У северных удмуртов бытовало поверье о том, что во время бури надо выйти во двор и кричать: «Дедушка [леший], не тронь меня!», и буря не будет касаться строений [2: 82].

Согласно верованиям, ветер был дан Богом, чтобы паутина не заслоняла лучей солнца, но ветер подчинился лешему и стал дуть очень сильно, образуя вихрь [3: 130]. Завалы в лесу от страшных бурь объясняют передвижением свадебного поезда нюлэсмурта: они, как и люди, живут семьями и устраивают свои свадьбы в ночь на Воздвижение.

Представления о возможности быстрого передвижения лешего постепенно эволюционируют, его постоянными спутниками становятся быстрые кони. В мифологических сказках нюлэсмурт отправляет героя домой на тройке коней, которые летят по-над лесом и возвращаются обратно, как только человек поворачивает упряжку по возвращении домой по направлению к лесу. Превалирование отрицательного отношения к нюлэсмурту изменяет отношение и к его коням, они начинают восприниматься как крылатые шайтаны/черты [17: 72–73].

Нюлэсмурт-леший – амбивалентное, как и другие мифологические персонажи, существо. Враждебен по отношению к человеку в случае неправильного его поведения: «водит» по лесу, может зашекотать до смерти. Очень не любит, когда упоминают его как «лешака», требует к себе почтения и вежливого обращения. Бойтся собаки и малейшего клочка собачьей шкуры («собака для него страшнее креста» [14: 84], потому, отправляясь на охоту и лесные работы, удмурты издревле вшивали кусок собачьей шкуры в свою ежедневную верхнюю одежду или клали кусок шкуры между онучами. Иногда обшивали собачьей шкурой мешочки для пороха. В одной из бывальщин рассказывается о том, как лешие не смогли тронуть человека до тех пор, пока он не вынужден был снять рукавицы из собачьей шкуры мехом наружу [14: 81–82]. Благосклонен, если получает умиловительную жертву (черную утку, гуся, тетерева, рябчика) [14: 77]: помогает в охоте, отыскании кладов, возвращении потерявшегося на выпасе скота. Если около деревни появится множество волков, обещают всей деревней в жертву нюлэсмурту двух жеребят с утками. Жертву приносят в лесу, в обряде участвуют только мужчины.

Согласно сюжетам побывальщин и мифологических сказок, владеет огромными богатствами (золотом, серебром, волшебным сундуком «со всяким добром») [2: 91, 154; 5: 49]. Эти представления стали, по-видимому, основой такой черты лешего, как покровительство в торговле. Удмурты полагали, что ни одна ярмарка не обходится без нюлэсмурта. Одним из постоянных сюжетов побывальщин, имеющих тенденцию превращения в мифологические сказки, является одаривание нюлэсмуртом человека из «добрых побуждений» (даёт полный пестерь зерна, превращающегося в золото), чаще – за помощь в борьбе с водяными (вумурт): насыпает полный пестерь золота или сам несёт «быстрее ветра» помощника вместе с золотом на плечах до его дома. О мощи лешего свидетельствует деталь повествования: «Нюлэсмурт положил золото на лавку охотника, и лавка от тяжести переломилась» [2: 155].

Удмурты полагали, что «ни одна война не проходит без нюлэсмурта» (3: 174), обычно он сражается «на стороне Белого Царя» [4: 208–209]. Зафиксированы сказочные сюжеты об освобождении солдата от службы при содействии сына нюлэсмурта, который приносит служивому паспорт и помогает вернуться домой [3: 174 – 175; 24: 164 – 168]. Эти представления привнесли в облик лешего соответствующие черты: иногда он предстаёт в виде военного/солдата [3: 174; 4: 211; 23: 207].

В верованиях нюлэсмурт часто выступает в качестве «проводника» сверхъестественного знания: обучающегося некто «несущий-приносящий, ведущий-провожающий» (*нуись-ваись, валтйсь-келись*) [ПМА: Як.-Бодьинский р-н, 1996; 8: 65] «водит» над лесом, после чего человек обретает способности к «умению», «сверхъестественному знанию», «ведовству» [14: 85]. Знаком полученного умения служат белый шарф и старинная серебряная монета, оказавшаяся в руках

у потерявшихся в лесу и обнаруженных через некоторое время людей [14: 85]. Если же человек не способен к обретению знания, он лишается рассудка.

Владение сверхъестественным знанием самим лешим помогает ему противостоять колдовству [2: 91].

Является ревнителем «старой», «удмуртской», веры: «водит» обучаемого и указывает на неблагоприятные поступки удмуртов (забвение обычаев предков, замена белых одежд цветными, несоблюдение запретов в переломные моменты года) [4: 209 – 210]. Все это не мешает ему являться в церковь во время службы, с которой он уходит перед херувимской песней [4: 209 – 210]. Согласно современной информации, видеть его в церкви способны только знающие (*туно, пелляськись*). Он появляется в облике человека в черном и уходит из церкви перед херувимской песней, перекувыркнувшись через голову [ПМА: Як.-Бодьинский р-н, 2006].

С распространением христианства образ лешего сливается с образом Николая Угодника.

Северные удмурты обращались к покровительству нюлэсмурта практически каждую неделю. По вторникам, четвергам или воскресеньям совершали обряд *сиён поттон* – «вынос пищи» [4: 212– 213]. Хозяйка пекла пресные лепешки без соли, заворачивала их в белую холщовую тряпицу. Хозяин уносил их к полевой изгороди, где, согласно представлениям, обычно прогуливался нюлэсмурт. Вынос жертвы сопровождался соблюдением определенных условий: нельзя было разговаривать со встречными, избегать людей, переходящих дорогу. Жертву клали на пенёк или специально устроенную из веток полочку между кольев изгороди. Затем следовало три поясных поклона без крестного знамения. Благосклонность нюлэсмурта к принесенной жертве обнаруживали тем, что к ней слетались птицы.

Обычай «угощать» лешего перед началом огородного сезона сохранился до сегодняшних дней. В желании получить хороший урожай хозяйка печет «блинчики» из яичного желтка и кладёт их вместе с куском хлеба на столб изгороди или в развилку дерева. До сих пор бытует мнение, что хорошие урожаи у того, кто «знается» с лешим [ПМА: Як.-Бодьинский р-н, 2006].

Лешему, наряду с верховными богами (*Имар, Кылдысин, Куазь*) поклонялись во время многих календарных праздников. Но существовали и особые дни почитания и жертвоприношения в годовом цикле, например, *Нюлэсмурт ниманник*, т.е. «Именины нюлэсмурта», когда в его честь совершалось заклание рыжего быка на третий или четвертый день после Троицы [15: 26, 68]. В молитвах-куриськонах нюлэсмурт упоминался наряду с триадой верховных богов и родового божества-воршуда [16: 23], лейтмотивом проходила просьба не трогать посевы сильными ветрами, утихомирить бури, отвести вихри. Лешему вменялось беречь выпущенный на выпас в лес домашний скот [16: 23]. В качестве умиловительной жертвы, по-видимому, при пропаже скотины

приносили лешему лапти огромного размера, которые подвешивались на ели [1: 67] (о сходстве русских обычаев и символике лаптя см.: [6: 81]).

В начале зимы, когда скот уже загнан в хлева, совершали жертвоприношение серой гусыни под названием *пирдан сётон* – «жертвование приданого» в благодарность лешему за хранение скота в течение лета [4: 215]. В современной традиции отголоски подобных жертвоприношений сохранены в топонимике. Почти в каждом населенном пункте на севере Удмуртии имеются участки леса под названием *žazež siññini* – «место, где едят/жертвуют гуся» [11: 167, 172 и др.], хотя традиция жертвоприношений именно в таком виде уже утрачена. При этом само место до сих пор воспринимается как locus контакта с потусторонним миром, и сюда могут приносить жертву в виде крупы в случае болезни [18].

Представления о лешем, судя по современным записям текстов быличек и побывальщин в разных локальных традициях, до сих пор глубоко укоренены в сознании современного человека, причем в деталях облика лесного духа присутствуют как традиционные, так и новые черты. Если раньше считали, что собакой ему служит волк [5: 44], а сам он боится не только собаки, но и клочка ее шкуры, то сегодня у него в свите несколько собак, и примечательно, что они «соответствуют» цветовой символике потустороннего мира (серая, черная и пятнистая): «...откуда-то появились **серая, черная и с белым пятном на шее собаки**. За ними [кто-то] похожий на человека, черноволосый, чернобородый, **в сукмане с поясом в красную, синюю, зеленую полоску. С кисточками на концах**. За спиной – ружьё» (здесь и далее выделено нами; перевод наш. – *Т.В.*) [21]. Облик его уточняется весьма любопытными, но не выходящими за рамки представлений о духах, чертами: «Мы, две девушки, едем на телеге, в телегу бычок запряжен. Чувствую: рядом леший идёт. **С белой палкой, бородатый, шапка островерхая, спереди черный пояс висит**» [19]. Подкрепляется информация о возможности общения знающих с лесным духом: «Мы в детстве с одним стариком за брусничкой пошли. Мы знали, что он с лешим разговаривать мог. Сели отдыхать, старик нам говорит: «Вы не бойтесь, сынки, если я кого-нибудь приглашу». ... Он со стариком в сторонке от нас сел, **на непонятном для нас языке говорили**. Около часа так сидели. Потом этот леший встал и чуть отошёл – очень сильный ветер поднялся. Деревья аж до земли гнулись» [21].

Обычные люди могут общаться с ним с помощью особых «писем»: «После этого случая мы ему на бумаге написали, почему ты, дескать, нас напугал, в эту бумагу горбушку хлеба завернули, на перекладину изгороди [по которой через изгородь ходят] положили (на землю нельзя), рядом блин положили. Тем, кто нас напугал, положили» [19]; (ср. в связи с этим практику обряда *кабалы* у коми-пермяков и коми-зырян: [10: 17; 13: 174]).

Как и прежде, леший выполняет дидактические функции, но сегодня он больше «отвечает» за экологию: «Мне отец рассказывал, бывало. Бороню, дескать, у леса. Воронье гнездо, говорит, нашёл и разорил. Всего на 2-3 шага

в лес зашёл и заблудился, говорит. Всё, де, по одному месту хожу, и всё туда же прихожу. Вижу: сидит на пеньке седобородый дедушка. Деньги считает. «Что, сынок, тут ходишь?» – спрашивает, дескать, старичок. «Так и так: заблудился, выйти не могу», – говорю. «А что же это ты воронье гнездо разорил?» спрашивает. «Да не знаю», – говорю, дескать. «Теперь так не делай», – сказал, де, дедушко. А потом, говорит, и пенька не стало, и его самого не стало. А я у изгороди, говорит, стою. Вот, лешего он повидал» [20].

Естественно, что вышеприведенные «штрихи к портрету» лесного духа не исчерпывают всего объема признаков этого мифологического персонажа. Они могут быть дополнены новыми полевыми материалами, причем локальные варианты его облика в большей степени присутствуют в бытующих сегодня жанрах устной несказочной прозы – быличках и побывальщинах.

Современные представления о лесном хозяине зависимы от многих составляющих традиционной культуры (взаимоотношений дохристианских воззрений и христианства, межэтнических связей, влияния современных средств массовой информации и новых информационных технологий), но при всей обрывочности сведений «остаточные» знания сохраняют доминантные признаки образа, не разрушая традиционного представления о духе леса в целом. В качестве примера можно привести быличку о том, как заснувшую в лесу в полдень женщину будит существо, которое респондент называет Белым, т. е. святым, Хранителем (*Тодьы Кылчин*) лишь по атрибутивной детали – белой одежде, комментируя, что если одежды белые, то это хорошо, а если черные – плохо. При этом совершенно очевидно, что речь идет о лешем со свойственными ему традиционными чертами (высокий, в солдатской одежде, пляшет, будит заснувшего в лесу человека) [23: 207].

Литература

1. Богаевский П. Очерки религиозных представлений вотяков VI // Этнографическое обозрение. Кн. VII. 1890. №4. С. 42 – 70.
2. Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т.1: Вотяки Сосновского края/ Отв. за выпуск Никитина Г.А.; Слово к читателю: Ванюшев В.М.; Послесловия: Ванюшев В.М., Никитина Г.А.; Предметно-тематический указатель: Ванюшев В.М.; Примечания: Ванюшев В.М., Владыкина Т.Г., Гришкина М.В., Долганова Л.Н., Иванова М.Г., Никитина Г.А., Шушакова Г.Н. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. – (Памятники культуры).
3. Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т.2: Вотяки Сарапульского уезда/ Отв. за выпуск Христолюбова Л.С.; Предисловие ко второму тому, примечания, указатели: Христолюбова Л.С.; Комментарии: Владыкина Т.Г., Христолюбова Л.С. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. – (Памятники культуры).
4. Верещагин Г.Е. Старые обычаи и верования вотяков Глазовского уезда // Верещагин Г.Е. Собрание сочинений в 6 т. Т.3: Этнографические очерки. Кн. 1 / Отв. за вып. Шкляев Г.К.; Предисл., прилож. В.М. Ванюшева; Указатель, примечания Г.К. Шкляева; Комментарии Т.Г. Владыкиной, М.Г. Ивановой, Г.А. Никитиной, В.П. Осотовой, Г.К. Шкляева. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. – (Памятники культуры). С. 206 – 239.
5. Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т.4: Фольклор. Кн.1: Удмуртский фольклор: Предания. Легенды. Побывальщины. Сказки. Басни. Пословицы. Поговорки. Загадки /

Отв. за выпуск и авт. предисл., предметно-тематического указателя с комментариями и указателя жанровых разновидностей устной прозы Т.Г. Владыкина. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. – (Памятники культуры).

6. Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Лапти // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общей ред. Н.И. Толстого. – Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка) – М.: Междунар. отношения, 2004. С. 79 – 82.

7. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994.

8. Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики жанров. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998.

9. Волкова Л.А. Ветер как мифологический персонаж в мировоззрении удмуртов // Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития/ Материалы международной научной конференции. Глазов, 1997. Ч.2. – С. 56 – 57.

10. Голева Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков / Автореф. дисс.... канд. ист. н. Екатеринбург, 2008.

11. Карпова Л.Е. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005.

12. Левкиевская Е.Е. Леший // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общей ред. Н.И. Толстого. – Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка) – М.: Междунар. Отношения, 2004. С. 104 – 109.

13. Кабала // Мифология коми/ Н.Д. Конаков, А.Н. Власов, И.В. Ильина... / Науч. ред. В.В. Напольских. М.: Изд-во ДИК, 1999. – (Энциклопедия уральских мифологий).

14. Первухин Н.Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1888 – 1889. Эскиз I.

15. Первухин Н.Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1888 – 1889. Эскиз II.

16. Первухин Н.Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1888 – 1889. Эскиз III.

17. Первухин Н.Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1888 – 1889. Эскиз IV.

18. Фонды ГГПИ // Фонды исторического факультета Глазовского государственного педагогического института им. В.Г. Короленко / Ф.1. Оп. 1, Д. 19: д. Ниж. Слудка, Глазовского р-на.

19. Фонды УдГУ-1980 // Фонды факультета удмуртской филологии / ФЭ УдГУ – 1980: Селтинский район, Югдонский с/с. Т. 3, Л. 94–96.

20. Фонды УдГУ-1988 // Фонды факультета удмуртской филологии / ДЭ УдГУ – 1988. Игринский район, п. Кушья. Т.1, Л. 118 – 119.

21. Фонды УдГУ-1991 // Фонды факультета удмуртской филологии / ФЭ УдГУ – 1991: Шарканский район. Т.4, Л. 15 – 16.

22. Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001.

23. Шутова Н.И., Капитонов В.И., Кириллова Л.Е., Останина Т.И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона: Коллект. монография / Науч. ред., авт. введ. и закл. Н.И. Шутова: УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2009.

24. Wichmann, Y. Wotjakische Sprachproben, II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen // Suomalais-Ugrilaisen seuran Aikakauskirja, XIX. Helsingissä, 1901.

Условные сокращения:

ПМА – полевые материалы автора

ДЭ – диалектологическая экспедиция

ФЭ – фольклорная экспедиция

Т. – тетрадь